

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.53)“1917” :614.2

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179>

Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект

© В.А. Шаламов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Октябрьская революция 1917 г. расколола российское общество на две враждующие стороны. В Иркутске в декабре 1917 г. произошло кровавое столкновение, считающееся вторым по числу жертв после аналогичных событий в Москве. Внимание автора привлекло то, каким образом оказывали медицинскую помощь в городе, в котором внезапно начались боевые действия. В начале статьи помещены данные о состоянии медицинской службы города накануне столкновения, а также о потерях, причиненных во время военных действий. Приводятся сведения об организации помощи как противоборствующим силам, так и гражданскому населению. Отмечается роль общественных организаций в спасении пострадавших. Отдельно рассматривается эвакуация раненых из опасной зоны в медицинские учреждения. Автор указывает на многочисленные нарушения принципов работы Красного Креста из-за политических предпочтений его участников, что привело к падению авторитета этой организации. В заключение анализируются статистические сведения о пострадавших в данном конфликте. Автор отмечает безответственность политических руководителей, которые призывали к вооруженной борьбе, совершенно не заботясь об организации медицинской помощи, потребность в которой неизбежно должна была проявиться в ходе такой борьбы.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, декабрьское восстание 1917 г. в Иркутске, Октябрьская революция в Сибири, Гражданская война в Сибири, Иркутск в годы Гражданской войны, история здравоохранения Иркутска, оборона Белого Дома, братская могила защитников Белого Дома, история Красного Креста в Сибири

Информация о статье: Дата поступления 31 августа 2019 г.; дата принятия к печати 7 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Шаламов В.А. Декабрьские события 1917 г. в Иркутске: медицинский аспект // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 168–179. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179>

December events of 1917 in Irkutsk: medical aspect

© Vladimir A. Shalamov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The October Revolution of 1917 split Russian society into two warring factions. In Irkutsk in December 1917 there was a bloody clash, which is considered the second in the number of victims after similar events in Moscow. The author's attention was drawn to the manner in which medical care was provided in a city where hostilities had suddenly begun. At the beginning of the article there are data on the state of the medical service of the city on the eve of the collision, as well as on the losses caused during the hostilities. Provides information about the organization of assistance to the opposing forces and the civilian population. The role of public organizations in rescue of victims is noted. Evacuation of the wounded from the danger zone to medical institutions is considered separately. The author points to numerous violations of the principles of the Red Cross due to the political preferences of its participants, which led to the fall of the authority of the organization. In conclusion, statistical data on the victims of the conflict are analyzed. The author notes the irresponsibility of political leaders who called for armed struggle, not caring about the organization of medical care, the need for which inevitably had to be manifested in the course of such a struggle.

Keywords: history of health care, history of medicine, December 1917 uprising in Irkutsk, The October Revolution in Siberia, Civil War in Siberia, Irkutsk during the Civil War, Irkutsk healthcare history, White House defense, mass grave of White House defenders, history of the Red Cross in Siberia

Article info: Received August 31, 2019; accepted for publication October 7, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Shalamov V.A. (2019) December events of 1917 in Irkutsk: medical aspect. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 168–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-168-179>

Любая война сопровождается массовыми убийствами, ранениями, болезнями как военнослужащих, так и гражданского населения. В полной мере это относится и к событиям Гражданской войны в Сибири. К сожалению, исследователи крайне мало уделяют внимание медицинскому аспекту войны. Одному из кровопролитнейших событий Гражданской войны в Сибири – декабрьским боям 1917 г. в городе Иркутске посвящено немало строк. В то же время последнее специальное исследование, посвященное медицинской составляющей этой темы, вышло в 1961 г. (Малоземова, 1961). С этого времени прошло много лет, стали доступными новые источники, исчезли идеологические тиски. Среди авторов, обращавшихся к данной теме, можно назвать В.М. Рынкува (Рынков, 2007), Д.Л. Шереметьеву (Шереметьева, 2013), К.А. Киселева (Киселев, 2015). Однако никто из них комплексно не ставил своей задачей рассмотреть проблему оказания помощи больным и раненым во время вооруженного конфликта в городе, что и послужило основанием для данной публикации.

Накануне декабря 1917 г. еще не закончилась Первая мировая война. В Иркутске располагались лазареты, призванные обслуживать нужды военных. В Знаменском предместье имелся Иркутский военный госпиталь. Он стоял в стороне от активных военных действий и вполне мог взять на себя львиную долю пострадавших. На станции Иннокентьевской дислоцировался 170-й сводный эвакуационный госпиталь, но из-за его удаленности он не сыграл никакой роли в описываемых событиях. Красный Крест построил рядом с 1-й школой прапорщиков лечебницу, которая находилась в оперативном управлении Яково-Александрьевской общины сестер милосердия. Небольшие медицинские пункты имели Иркутское военное училище и

все школы прапорщиков. Данные заведения были рассчитаны на оказание медицинской помощи юнкерам при несчастных случаях или заболеваниях и не могли принимать большое количество раненых.

Крупнейшим гражданским медицинским учреждением Восточной Сибири была Кузнецовская больница, расположенная близко от эпицентра событий, что позволяло оперативно доставлять пострадавших военных и горожан. Детская Ивано-Матренинская больница находилась поодаль, поэтому существенной помощи не оказывала. Значительную роль в первое время сыграла Переселенческая больница, несмотря на то, что размещалась на противоположном берегу Ангары, в Глазковском предместье. Стоит также отметить несколько частных и общественных учреждений. В Иркутске имела одна из лучших в Сибири частных хирургических лечебниц, которой руководил известный хирург Г.А. фон Бергман. Знаменитый иркутский офтальмолог З.Г. Франк-Каменецкий учредил в городе глазную лечебницу. Частная больница врача Н.А. Штейнгауза была более широкого профиля. Все эти лечебные учреждения чаще чем другие упоминаются в документах, описывающих события декабря 1917 г. Кроме того, в Иркутске имелось две общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Одна из них, Мариинская, располагалась в самом эпицентре событий на Дегтевской (ныне Российской) улице, другая – в стороне, на Котельниковской (Фурье).

С конца лета в городе традиционно начинали развиваться эпидемии, главным образом связанные с нечистоплотностью населения (скученность, употребление немытых овощей, выход детей в школы) (Кокоулин, 2013. С. 212–226). Кузнецовская больница только за один август 1917 г. приняла 1398 стационарных больных на 220 постоянных

кроватях и 120 кроватях в заразных бараках (Иркутская жизнь, 1917. 12 нояб.). Ивано-Матренинская детская больница в сентябре приняла на своих 90 постоянных кроватях и 36 – в заразных бараках 170 маленьких пациентов (Иркутская жизнь, 1917. 15 окт.). Накануне восстания особо опасные размеры приняла эпидемия брюшного тифа. В конце ноября корреспондент газеты «Иркутская жизнь» писал: «Количество больных возрастает. Переселенческая больница предоставила у себя помещение на 50 коек и военное ведомство в одном из лазаретов на такое же число коек, но и эти помещения через некоторый промежуток времени были заполнены. Прибегнув к крайней мере, город занял под брюшнотифозных больных отделение детской больницы: здесь также переполнено» (Иркутская жизнь, 1917. 28 нояб.). Все эти свидетельства говорят о том, что городские медицинские учреждения накануне военных столкновений явно не были готовы к приему большого числа раненых бойцов и граждан города. Большинство стационарных кроватей было занято больными инфекционными заболеваниями, которых выпускать досрочно из лечебных заведений было непозволительно, поскольку они могли спровоцировать мощную эпидемическую волну.

В императорской России всеми больничными делами заведовали больничные советы, состоящие из врачей и смотрителей лечебных учреждений. Рядовые служащие в них не допускались. После Февральской революции в больницах стихийно стали возникать комитеты низших служащих, младшего медицинского персонала, сестер милосердия, которые требовали представительства в больничных советах. На этой почве возникло немало конфликтов, послуживших основанием для кадровых перестановок. К концу 1917 г. в основном удалось найти консенсус путем ввода в больничные советы некоторого числа представителей из обслуживающего персонала, хотя в ряде мест проблема так и не была разрешена, как это было в Военном госпитале. Абсолютное большинство медработников негативно восприняли захват власти большевиками в Петрограде. Они в большей степени симпатизировали юнкерам и казакам, хотя,

нужно отдать должное, до конца были верны клятве Гиппократа. Даже частные клиники в столь тяжелое время не требовали оплаты за лечение раненых.

Большевикам симпатизировало небольшое число медработников. Среди врачей отметим несколько лиц. Прежде всего, это Николай Александрович Алексеев, в течение войны работавший врачом в 12-м запасном полку в Иркутске. Он был членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а также одним из старейших членов РСДРП. Его жена Елизавета Павловна, акушерка, также была членом РСДРП. Н.А. Алексеев лично знал В.И. Ленина, но при этом сам себя называл «правым большевиком», что привело к недоверию к нему среди радикально настроенных большевистских вождей. Он стремился к легальной работе в существующих органах власти, поэтому являлся гласным городской думы, где активно выступал за резолюции, вынесенные солдатскими и рабочими депутатами (Батоев, 1982. С. 53–56). Другим старейшим членом РСДРП был доктор Федор Николаевич Петров, работавший в заразных бараках в Знаменском предместье. Там же трудилась и его жена врач Евстолия Дмитриевна Гагарина (Петров, 1962. С. 68). Последняя в декабре 1917 г. участия не принимала, поскольку заразилась от больных брюшным тифом. Некоторое сочувствие восставшим солдатам запасных полков и красногвардейцам оказывал знаменитый исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Николай Васильевич Кирилов, в данный период работавший санитарным врачом города Иркутска. Меньше известно о среднем и низшем медперсонале. Один из выпускников Иркутской военно-фельдшерской школы Константин Толмачев, служивший в уезде и случайно попавший в Иркутск, оказывал помощь солдатам в Знаменском предместье. В Кузнецовской больнице приемом раненых ведала фельдшерица Александра Башурова, в Переселенческой больнице – санитарка Татьяна Лушникова (рис. 1), в лазарете Красного Креста – большевичка Мильда Гарайс-Битонова (Малоземова, 1961. С. 90). К сожалению, более рельефно выявить расстановку политических сил среди медработников мы не в силах, поскольку

Рис. 1. Санитарка рабочего Красного Креста Татьяна Лушникова

Fig. 1. Red Cross nurse for workers Tatyana Lushnikova

Рис. 2. Глава рабочего Красного Креста С.И. Лебедев
Fig. 2. Head of the Red Cross for workers S.I. Lebedev

документальная база о тех событиях сохранилась весьма фрагментарно.

В императорской России большую роль в оказании медицинской помощи населению играли сестры милосердия. Готовясь к вооруженным столкновениям, большевики за отсутствием квалифицированных специалистов начали привлекать так называемых красных сестер милосердия из добровольцев, солдаток, жен рабочих, гимназисток и т. д. Известно, что 20 ноября 1917 г. в Иркутске был организован первый отряд красной гвардии, который возглавил рабочий Сергей Лебедев (рис. 2). Летописец Н.С. Романов отметил в своем труде, что «30 ноября 1917 г. в помещении бюро социал-демократов большевиков состоялось собрание сестер Красной гвардии» (Романов, 1994. С. 260). Вероятно, летописец упоминает учредительное собрание, когда тому же С. Лебедеву иркутская партийная организация поручила создать большевистский или рабочий Красный Крест. Во

главе этой организации стояла Агния Ивановна Телечкина (Сухорослова), а после ее пленения в результате обороны прогимназии Гайдук – Ольга Наумовна Иогансон, являвшаяся супругой М. Трилссера. Сколько всего было красных сестер, неизвестно, но А.И. Телечкина в 1950-е гг. смогла назвать около 40 участников рабочего Красного Креста (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 393. Оп. 5. Д. 22. Л. 1–2). Впоследствии одна из сестер Е.С. Федорова в своих воспоминаниях назвала имена наиболее активных работников: Антонина и Александра Бабичи, Варвара Ремишевская, Мария Заболоцкая (рис. 3), Раиса Глокман, Татьяна Лушникова (Годы огневые, годы боевые..., 1961. С. 46). Заметим, что ничего не сказано о том, как происходило обучение. Вполне возможно, что красные сестры милосердия пришли в красногвардейские отряды с тем багажом, который они накопили за свою жизнь. Известно, например, что М.М. Сахьянова, принимавшая участие в декабрьских событиях, в Петро-

Рис. 3. Красные сестры рабочего Красного Креста Мария Заболоцкая и Тоня Бабич
Fig. 3. Red sisters of the Red Cross for workers Maria Zabolotskaya and Tonya Babich

граде состояла в студенческом Красном Кресте, она часто бывала среди раненых солдат, для которых студенты собирали пожертвования, хотя ее знакомство с медициной было весьма поверхностным и специального медицинского образования она не имела (Бартанова, 1969. С. 3–9).

Как известно, бои на улицах Иркутска начались 8 (21 по новому стилю) декабря 1917 г. Военно-революционный комитет, подконтрольный большевикам, попытался разоружить учащих военно-учебных заведений, что вызвало их сопротивление, вылившиеся в вооруженные столкновения, которые завершились 21 (30) декабря подписанием перемирия. Обе стороны активно использовали кроме стрелкового оружия артиллерию, что вызвало многочисленные разрушения и пожары в городе (Новиков, 2001). Пострадали некоторые медицинские учреждения. В 1924 г. в связи с процессом признания Советской России по органам здравоохранения было дано задание выяснить масштабы потерь от интервенции. Более всего пострадал госпиталь Красного Креста, расположенный рядом с 1-й школой прапорщиков, оказавшийся в зоне обстрела (Неделько, 2010. С. 130). Здесь были повреждены каменные стены всех трех корпусов, железные крыши и часть потолков, была

разморожена система отопления. Персонал и больные были эвакуированы. Общие потери оценивались в 25 тыс. руб. золотом (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. р-1071. Оп. 1. Д. 447. Л. 23). Довольно сильно пострадала Ивано-Матренинская детская больница. Один из ее врачей, известный педиатр и общественный деятель П.И. Федоров оставил об этом некоторые подробности. «Обстрел больницы из орудий начался сразу же, как казаки выступили на стороне юнкеров. Казаки заняли район больницы, хотя в самом здании их не было. В итоге здание лечебницы сильно пострадало» (Иркутск накануне..., 2017. С. 460). Сильно был разрушен второй этаж, и его пришлось до лета закрыть. В прачечной снарядами была уничтожена теплая сушильня, снаряд попал в соматическое отделение, замерзли некоторые трубы водопровода, было выбито около 300 стекол в окнах, не считая отвалившейся штукатурки и прочих мелких повреждений (Свободный край. Иркутск, 1918. 3 янв.). Всего материальные потери составили 4 тыс. руб. золотом. Медперсонал во главе со старшим врачом А.А. Каршиным оставался в эти тревожные дни на своих постах и принимал все меры к спасению детей. Их прятали в подполье. Во время обстрела одним из снарядов была

разрушена часть стены главного корпуса, в результате чего погибло двое детей – Ирина Небельсон (9 лет) и Тамара Логинова (8 лет), а также две няни Куцых и Донская получили ранение. Только после этого Военно-революционный комитет направил в детскую больницу подводы пожарного обоза, на которых больные дети были после двухдневного блуждания по городу эвакуированы в Кузнецовскую больницу (Новожилов, Филиппов, 2010. С. 38). Последняя также подверглась обстрелу, но менее интенсивному. Пострадало каменное помещение аптеки при больнице, в деревянном корпусе для служащих лечебницы и в основном корпусе повреждены стены, железная крыша и потолки. Всех убытков было исчислено на 780 руб. золотом. В Михеевской больнице были выбиты часть окон вместе с рамами. Убытки были небольшими – всего 50 руб. золотом. Кроме того, ранена сторожиха Аграфена Овсянникова, впоследствии умершая от ран. Однако на этом список материальных потерь лечебной сети Иркутска завершать не стоит. Небольшой приемный покой при школе прапорщиков

также перестал функционировать и раненых юнкеров эвакуировали в Кузнецовскую больницу. Еще больше досталось больнице института благородных девиц, располагавшейся на набережной Ангары рядом с памятником Александру III. Поскольку эта деревянная постройка соседствовала со зданием краеведческого музея, где засели юнкера, то естественно, что обстрел касался и ее. В конечном итоге больница сгорела дотла (рис. 4) (Серебренников, 2003. С. 54). Разрушение указанных лечебных заведений не сильно сказалось на помощи, которую получали нуждающиеся во время боевых действий. Однако для города, это были существенные траты, особенно если учесть, что восстанавливать эти учреждения было просто не на что.

Еще одной проблемой стала эвакуация раненых бойцов и горожан из зоны боевых действий. Во время декабрьских боев в городе стали возникать импровизированные санитарные отряды из фельдшеров, сестер милосердия, санитаров и просто добровольцев из городских жителей. Сколько действовало таких отрядов – неизвестно. По ини-

Рис. 4. Пожарище больницы института благородных девиц
Fig. 4. The conflagration of the hospital of the Institute for noble maidens

циативе членов президиума Глазковского районного санитарного комитета 9 декабря был организован санитарный отряд под наблюдением врача Софьи Яковлевны Горнштейн. Заведующим отрядом в 75 человек стал один из добровольцев М.П. Обрезанов. Лошадей для отряда дали Переселенческий пункт, Медведниковская больница для хроников и 9-й Сибирский запасной стрелковый полк. Этот отряд перебирался через Ангару по понтонному мосту в центр города и там собирал раненых и трупы прямо под обстрелом (Иркутская жизнь, 1917. 23 дек.). И.И. Серебренников, находившийся в описываемые дни недалеко от Тихвинской площади, на территории, контролируемой большевиками, вероятно, видел именно их: «...Изредка из окон дома, где я находился, можно было увидеть проезжавшие мимо сани, с развевающимся над ними флагом Красного Креста: нашлись смелые люди, которые ездили по улицам и подбирали раненых и убитых» (Серебренников, 2003. С. 51). Глазковский отряд действовал до 15 декабря, пока действовала понтонная переправа. Его усилиями в переселенческую больницу было доставлено около 100 трупов и 90 раненых. Кроме того, пострадавшие в боях вывозились еще и в железнодорожный покой и глазковскую городскую амбулаторию.

Знак Красного Креста должен был символизировать непричастность лиц, которые его носили на рукаве, к политическим дразгам. На деле и большевики, и их оппоненты использовали организацию Красного Креста в своих интересах. Примеров нарушения правил о деятельности краснокрестовской организации довольно много. К примеру, известный политический деятель М.А. Кроль в своих мемуарах описал один интересный эпизод: «...Дело в том, что моя жена принимала очень деятельное участие в этой борьбе на стороне юнкеров... Достали они лошадь и большие розвальни, нагрузили на них патроны, прикрыли их сеном и, надев на рукава повязки Красного Креста, проехали по главным улицам города, где они рисковали на каждом шагу натолкнуться на большевистский патруль, который при обнаружении патронов расстрелял бы их на месте...» (Кроль, 2008. С. 353). В

результате действия таких лиц, солдаты и красногвардейцы стали смотреть на работников Красного Креста, как на своих противников.

Пожалуй, лучше всего об этом написал в своих впечатлениях о «кровавых днях» непосредственный участник боев, юнкер Олесин: «... Заслуживает особого внимания отношение солдат к самоотверженной работе Красного Креста. Обстрелы отрядов Красного Креста солдатами, несмотря на далеко видимые флаги и громкие крики: – Красный Крест! Не стреляйте! – наблюдались постоянно. Число ранений и убийств сестер милосердия велико. Кроме того, редкому отряду Красного Креста удавалось пробраться через заставы солдат, не подвергшись обыскам и оскорблениям. Уже на второй день войны сестры милосердия отказывались везти тяжелораненых юнкеров в госпитали и больницы, потому что солдаты грубо обвиняли их в помощи исключительно юнкерам... Приходилось переодевать больных в солдатское платье и папахи, вырезать на одеяле метки военного училища и заменять их заплатами, чтобы оградить и раненых, и сестер от издевательств со стороны солдат. Был даже случай, когда у отряда Красного Креста солдаты отняли несколько сухарей и бросили их со словами: – Юнкерам провизию везете!» (Иркутская жизнь, 1917, 30 дек.). Советская историография о подобных фактах предпочитала умалчивать. Стоит отметить, что автору данных строк не удалось найти подтверждения о больших потерях медицинского персонала. Возможно, юнкер имел в виду добровольцев из женщин, не имевших медицинского образования, и которые по инерции часто именовались сестрами милосердия.

Впрочем, нельзя сваливать всю вину на большевиков. Юнкера делали ровно то же самое. Достаточно вспомнить несколько эпизодов из знаменитой обороны Белого Дома. К сожалению, не сохранилось документов об этих событиях, так же как и нет хорошего описания в мемуарах. Информацию удалось получить, стыкая сразу нескольких источников, в том числе работы П.П. Постышева, М.М. Сахьяновой (Павел Постышев: Воспоминания, выступления, письма, 1987. С. 67, 14), О.Н. Иогансон (Иогансон, 1963. С. 28) и Л. Богданова (Богда-

нов, 1967. С. 25–26). Как известно, Белый Дом, где в декабре 1917 г. размещался большевистский ВРК, оказался в осаде с самого начала выступления юнкеров и выдержал несколько штурмов. Естественно, в ходе боевых действий появились раненые (за все время их было 43 человека). Хотя среди осажденных оказались фельдшер и две сестры милосердия (одна из них коммунистка Мария Заболоцкая), но не было ни медикаментов, ни перевязочного материала. В подвале здания разместили лазарет. Обороняющиеся буквально леденели в неотапливаемом доме. Они стали заворачивать раненых товарищей в куски ковров, портьер, гардин. Не хватало еды, вышел из строя водопровод.

На третий день боев Центральный штаб Красной гвардии решил использовать санитарные лётчики для оказания помощи защитникам Белого Дома. С первой лёткой поехали сестры милосердия Никундэ, Т. Лушникова и О.Н. Иогансон. Жены рабочих и партийцев под флагом Красного Креста привезли зашитые в юбках патроны, хлеб и перевязочные средства, снабдили осажденных информацией. Они делали ровно тоже самое, что и сестры милосердия, помогавшие юнкерам и казакам.

Первый успех окрылил и в следующий раз пошли на большую хитрость. В сани санитарного отряда уложили шесть ящиков патронов, восемь буханок хлеба, перевязочный материал и медикаменты, а сверху набросали снега и для маскировки положили заледеневшие трупы, чтобы продемонстрировать юнкерам, что отряд помогает всем. В санитарный отряд входили сестры милосердия Варвара Ремишевская, Агния Телечкина, Ольга Иогансон, Ксения Посталовская, Раиса Глокман, Каспирович, Фальковская, Татьяна Лушникова, сестры Антонина и Александра Бабищи, Зинаида Бланкова, Парнякова, Александра Ширман, Мария Сахьянова. Некоторые из них провезли на себе дополнительные патроны и бомбы. Санитарный отряд с криками: «Красный Крест, не стреляйте», пробрался через заставы осаждающих. Юнкера не стреляли по ним. На обратном пути они забирали раненых. Под видом раненого Мария Сахьянова вывезла известного большевика Павла Постышева. Однако вскоре осаждающие догадались о том, что красные сестры

помогают большевикам доставлять боеприпасы, поэтому перестали их пускать к осажденным. После падения Белого Дома все раненые были отправлены в военный госпиталь.

Строгий нейтралитет должен был вызывать уважение всех участников военных столкновений к членам Красного Креста. Однако в Иркутске это довольно часто нарушалось. Так Р.П. Эйдеман, описывая оборону прогимназии Гайдук, отметил красную сестру (это была А.И. Телечкина), которая смогла поднять красногвардейцев в контратаку (Эйдеман, 1927. С. 94). Учитывая, что среди сестер милосердия большевистского Красного Креста было много родственниц рабочих и партийцев, то логика их поведения становится понятной. Приведенные свидетельства говорят о том, что во время боев в Иркутске в декабре 1917 г. законодательство о Красном Кресте практически не действовало, что привело к падению доверия у участников конфликта к этой организации. В итоге это сказалось на сроках госпитализации раненых и больных, что в какой-то степени объясняет высокую смертность среди них.

Поскольку боевые столкновения в городе начались неожиданно, то добровольческие силы не успели среагировать и организовать полноценные лазареты. Однако обвинять иркутян в бездействии все же нет оснований, тем более что в предшествующее время имелся большой опыт работы общественных организаций (Гаврилова, 2017; Кавецкий, Рубцов, 2004). В разных частях города, вблизи от мест боев по инициативе частных лиц, обществ и отдельных врачей стали появляться стихийные перевязочные пункты, а местами и временные приюты для раненых. Один из городских врачей М. Блюменфельд (иногда его называют санитарным врачом, но он стал им позже, в конце лета 1918 г.) перечел некоторые из них, в том числе в Михеевской амбулатории, городской управе, лечебнице Н.А. Штейнгауза, в убежище Союза городов, на Спасо-Лютеранской улице (доктора Н.В. Кирилова), на Пестеревской улице (доктора И.Б. Каца) (рис. 5), на Зверевской улице (доктора И.В. Гольмстена), во 2-й школе прапорщиков (Сибирь. Иркутск, 1917. 30 дек.). Иркутский казачий

Рис. 5. Доктор И.Б. Кац, один из организаторов общественной помощи в Иркутске в декабре 1917 г.
Fig. 5. Dr. I.B. Katz, one of the organizers of free aid in Irkutsk in December 1917

дивизион развернул небольшой лазарет в здании Духовной семинарии под руководством некоего Панфилова. В нем помощь оказывали сестры милосердия Калачева, Мунгалова, Ивантьева и Маленкова, а также гимназистки Каблукова и Туголукова (Иркутская жизнь, 1917. 29 дек.). Три перевязочных пункта было сформировано Иркутской Мариинской общиной сестер милосердия (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 55. Л. 35). Указанные перевязочные пункты сыграли важную роль. В них раненые, больные и обмороженные получали первую помощь и уход, а после этого их переправляли в Кузнецовскую больницу или Военный госпиталь. Видимо, через них прошло сравнительно немного пострадавших, поскольку в большинстве случаев участники конфликта даже не знали об их существовании.

К сожалению, точной регистрации жертв боевых действий выявить не удалось. При городском

самоуправлении сразу же после окончания боев была образована особая комиссия помощи пострадавшим под председательством доктора П.И. Федорова. Согласно ее подсчетам погибло 334 и ранено 699 человек (Иркутская жизнь, 1917. 21 дек.). Подробную информацию привел врач М. Блюменфельд, опубликовавший небольшую статью под названием «Кровавые итоги», которая до сих пор служит единственным более или менее точным источником информации о числе раненых и убитых. В расчет было взято 8 лечебных учреждений: Кузнецовская больница, Переселенческая больница, железнодорожный покой в Глазково, Глазковская городская амбулатория, Духовная семинария, Медведниковская больница и частная лечебница З.Г. Франк-Каменецкого. По мнению М. Блюменфельда, в остальных лечебницах и перевязочных пунктах оставались лишь единицы пострадавших, которые серьезно картину не могли изменить. В Кузнецовской больнице, вероятно, чтобы не подвергать опасности, пациентов записывали без указания звания человека, и во многих местах диагноз был один – огнестрельная рана, что сказалось на цифровых подсчетах.

Итак, всех раненых было зафиксировано 568 человек. Из них солдат – 209 человек, красногвардейцев – 66, юнкеров и добровольцев – 87, казаков – 16 (в том числе 2 добровольца), офицеров – 12, сестер милосердия – 2, мирных жителей – 125 (82 мужчины и 43 женщины), учащихся – 6, без указания звания – 46. Пулевых ранений насчитывалось больше всего – 535, шрапнельных – 36, от холодного оружия – 7. По месту и тяжести ранений распределялись следующим образом: раны мягких частей – 211, с раздроблением кости – 146, контузия мягких частей – 145, полостные ранения – 48, раны определенно не обозначенные – 118. Часть пострадавших вдобавок получила простудные заболевания и обморожения. Больше всего пострадавших принял Военный госпиталь – 249 человек, из них 32 умерло. Кузнецовская больница взяла 127 раненых (умерло 27), Переселенческая больница приютила 90 человек (умерло 12) и лечебница Франка-Каменецкого – 33. Во всех учреждениях наблюдалась высокая смертность (12,5 %). Среди

раненых в лазарете военного училища значился фельдшер Сахаров, а во второй школе прапорщиков – две сестры милосердия Елена Авраамова и Патлых.

Число погибших также точно не фиксировалось. Трупы разбирались родственниками и знакомыми для похорон. При этом ни привозившихся покойных, ни увозившихся никто не считал. По данным за 19–21 декабря в Военном госпитале значилось 35 трупов, в Кузнецовской больнице – 120, в Переселенческой больнице – 40, во 2-й школе прапорщиков – 16, в Военном училище – 34, у казаков – 11, из прочих мест – 21, а всего – 277 (Сибирь. Иркутск, 1917. 30 дек.). Среди погибших в здании военного училища значится сестра милосердия Александра Николаевна Медведева. Приведенные цифры явно занижены. Революционные события в Иркутске действительно были кровавыми. Рассматривая военные столкновения в Иркутске в декабре 1917 г. с точки зрения ценности человека, человеческой жизни, человеческого здоровья, стоит признать, что это было тяжелое преступление. Никто не может быть оправдан в стремлении убивать и калечить людей, какими бы лозунгами они не прикрывались. Ни одна из сторон не позаботилась о том, что будет с теми, кого они призывают идти в бой, а тем паче с теми, кто просто жил на территории предполагаемых военных столкновений.

Естественным следствием таких жертв стало захоронение погибших в братских могилах. Нарекания медиков вызвало предполагаемое захоронение 200 трупов красногвардейцев и солдат у стен Белого Дома. Врачи забили тревогу, так как это было близко к источникам забора питьевой воды. Образовалась особая комиссия из представителей от городской управы и исполбюро Центросибири (от последнего были врачи Н.А. Алексеев и М.А. Владимирский и гражданин Познер). После обследования всех тонкостей дела было принято решение о невозможности захоронения такого большого числа трупов (Свободный край. Иркутск, 1918. 6 янв.). Однако сторонники Советской власти проигнорировали решение комиссии, и отстояли идею захоронения героев революции в специально

оборудованной могиле, которая дополнительно должна была быть процемментирована. В результате у стен Белого Дома оказалось погребенными в феврале 1918 г. 107 трупов.

Вновь вопрос об этом захоронении был поднят после свержения режима большевиков. Военно-санитарное ведомство поставило вопрос об «эвакуации братской могилы у Белого Дома» перед городской администрацией. 18 сентября на заседании городского санитарного совета произошел бурный обмен мнениями. Большинство членов требовало перезахоронения. Возражения доктора Н.А. Алексеева о том, что лучше воздержаться от этого мероприятия, чтобы не допустить политических эксцессов, поскольку страсти еще не улеглись, не были приняты во внимание. В конечном итоге утверждается решение о переносе могилы от стен Белого Дома. Рекомендовалось это сделать в конце ноября – начале декабря. Решение было поддержано городской думой, медицинской интеллигенцией, ректором университета и активными противниками большевизма (Свободный край. Иркутск, 1918. 20 (7) сент.). В итоге братская могила была перенесена на Лисихинское кладбище. Конечно, в положительном решении вопроса о перезахоронении значительную роль сыграли антибольшевистские настроения, но трудно не признать целесообразность такого решения с точки зрения санитарии.

В заключение отметим, что события декабря 1917 г. в Иркутске негативно сказались на состоянии медицинской организации города. В ходе боев пострадали лазарет Красного Креста, детская Ивано-Матренинская больница, больница института благородных девиц, не считая громадных разрушений жилой и общественной застройки города, что, естественно, сказалось на санитарном состоянии города. Лечебные учреждения приняли около 1 тыс. человек раненых и убитых, среди них несколько медработников. Хуже всего было то, что раскололась медицинская интеллигенция. Небольшая часть из них поддержала большевиков. Был организован пролетарский Красный Крест, как альтернатива Российскому обществу Красного Креста. Принципы работы Красного Креста стали по-

всемерно нарушаться из-за политических воззрений людей, случайно оказавшихся в его рядах. В итоге эта, казалось бы, индифферентная к политическим дрязгам организация, стала дополнением к обычным медико-санитарным службам воинских

формирований, что негативно сказалось на скорости эвакуации пострадавших, что в свою очередь сказалось на смертности. Из положительного опыта стоит отметить большую роль общественной инициативы.

Библиографический список

Бартанова А.А. Славная дочь бурятского народа: о М.М. Сахьяновой // Женщины Советской Бурятии: сб. воспоминаний. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1969. 178 с.

Батоев Д.Б. Сподвижники здравоохранения. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1982. 128 с.

Богданов Л. Герои обороны Белого Дома // Блокнот агитатора. 1967. № 18. С. 25–30.

Гаврилова Н.И. Развитие сферы гражданской активности иркутян: деятельность добровольных неполитических объединений города во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 58–61.

Годы огневые, годы боевые: сборник воспоминаний / Сост. Г.А. Вендрих и А.Я. Шапранова. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1961. 302 с.

Иогансон О.Н. Дорогой борьбы (очерк о жизни и деятельности М.А. Трилиссера). М.: Издательство политической литературы, 1963. 48 с.

Иркутск накануне и в 1917 году: Очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешка. Иркутск: Оттиск, 2017. 543 с.

Кавецкий Д., Рубцов С. «Только самодеятельность граждан... способна удержать силы...» // Земля Иркутская. 2004. № 1. С. 38–40.

Киселев К.А. Работники образования и медицины в революционных событиях 1905 года // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 6–3 (11). С. 143–145.

Коккоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск: Сибирь-Наука, 2013. 385 с.

Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры, 2008. 734 с.

Малоземова А.И. К истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск: Книжное издательство, 1961. 180 с.

Неделько Н.Ф. Летопись улицы Красного восстания в Иркутске // Сибирский медицинский журнал. 2010. Т. 94. № 3. С. 129–134.

References

Bartanova A.A. (1969) The glorious daughter of the Buryat people: about M.M. Sakhyanova. *Zhenshchiny Sovetskoy Buryatii: sbornik vospominaniy* = Women of Soviet Buryatia: a collection of memories. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 178 p. (In Russ.)

Batoyev D.B. (1982) Companions of Health. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. 128 p. (In Russ.)

Bogdanov L. (1967) Heroes of the White House Defense. *Bloknot agitatora* = Notepad of the agitator. No 18. P. 25–30. (In Russ.)

Gavrilova N.I. (2017) The development of the sphere of civic activity of the Irkutsk citizens: the activity of voluntary non-political associations of the city in the second half of the XIX – early XX century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. History. Vol. 21. P. 58–61. (In Russ.)

Vendrikh G.A., Shapranova A.Ya. (1961) The years of fire, the years of war: a collection of memories. Irkutsk: Irkutskoye knizhnoye izdatelstvo. 302 p. (In Russ.)

Ioganson O.N. (1963) Road struggle (essay on the life and work of M.A. Trilisser). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 48 p. (In Russ.)

Dameshk L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917: Essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Ottisk. 543 p. (In Russ.)

Kavetsky D., Rubtsov S. (2004) "Only the initiative of citizens ... is capable of holding forces ...". *Zemlya Irkutskaya* = Land of Irkutsk. No. 1. P. 38–40. (In Russ.)

Kiselev K.A. (2015) Workers in education and medicine in the revolutionary events of 1905. *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenykh* = National Association of Scientists. No 6–3 (11). P. 143–145. (In Russ.)

Kokoulin V.G. (2013) Povsednevnyaya zhizn gorozhan Sibiri v voyenno-revolutsionnyye gody (iyul 1914 – mart 1921 g.) [The everyday life of Siberian citizens in the military revolutionary years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk: Sibir-Nauka, 385 p. (In Russ.)

Krol M.A. (2008) Pages of my life. Moscow: Mosty kul'tury. 734 p. (In Russ.)

Malozemova A.I. (1961) To the history of healthcare in the Irkutsk region. Irkutsk: Knizhnoye izdatelstvo. 180 p. (In Russ.)

Nedelko N.F. (2010) Annals of the street of the Red Uprising in Irkutsk. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal* = Siberian Medical Journal. Vol. 94. No 3. P. 129–134. (In Russ.)

Новиков П.А. Иркутск в огне // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 56–64.

Новожилов В.А., Филиппов Е.С. Ивано-Матренинская – наследие меценатов: 115 лет Ивано-Матренинской детской больницы. Иркутск: Оттиск, 2010. 352 с.

Павел Постышев: Воспоминания, выступления, письма / сост. К.Н. Атаров. М.: Политиздат, 1987. 400 с.

Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии. М.: Госполитиздат, 1962. 160 с.

Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

Рынков В.М. Санитарно-медицинские службы на Востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая пол. 1918–1919 гг.) // Чтения памяти проф. Е.П. Сычевского: сборник докладов / отв. ред. А.И. Донченко. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2007. Вып. 7. С. 232–249.

Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ, 2003. 695 с.

Шереметьева Д.Л. «Рыцарь иркутской общественности» П.И. Федоров (1872–1919) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 122–127.

Эйдман Р.П. Уличные бои во время восстания (воспоминания участника декабрьских дней в Иркутске) // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 85–98.

Критерии авторства

В.А. Шаламов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Шаламов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия, ✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Novikov P.A. (2001) Irkutsk on fire. *Zemlya Irkutskaya* = Land of Irkutsk. No. 15. P. 56–64. (In Russ.)

Novozhilov V.A., Filippov Ye.S. (2010) Ivanom-Matreninsky – patrons heritage: 115 years of the Ivanom-Matreninsky Children's Hospital. Irkutsk: Ottisk. 352 p. (In Russ.)

Atarov K.N. (1987) Pavel Postyshev. Memoirs, speeches, letters. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 400 p. (In Russ.)

Petrov F.N. (1962) 65 years in the ranks of the Leninist party. Moscow: Gosudarstvennoye politicheskoye izdatelstvo. 160 p. (In Russ.)

Romanov N.S. (1994) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 560 p. (In Russ.)

Rynkov V.M. (2007) Sanitary and medical services in the East of Russia during the anti-Bolshevik period of the Civil War (second half of 1918–1919). *Chteniya pamyati profesoora Ye.P. Sychevskogo: sbornik dokladov* = Readings in memory of Professor E.P. Sychevsky: collection of reports. Blagoveshchensk: Izdatelstvo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Iss. 7. P. 232–249. (In Russ.)

Serebrennikov I.I. (2003) The Civil War in Russia. The Great Departure. Moscow: AST. 695 p. (In Russ.)

Sheremetyeva D.L. (2013) “Knight of the Irkutsk public” P.I. Fedorov (1872–1919). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya* = Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology. Vol 12. No 8. P. 122–127. (In Russ.)

Eydeman R.P. (1927) Street fights during the uprising (memories of the participant of the December days in Irkutsk). *Sibirskiye ogni* = Siberian Lights. No. 6. P. 85–98. (In Russ.)

Attribution criteria

V.A. Shalamov conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vladimir A. Shalamov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Russia, Irkutsk State University, 1 K. Marx street, Irkutsk 664003, Russia, ✉ e-mail: Wladimir13x@ya.ru